

Небесная пленница

На третий день после церемонии, проделанной у инкубатора, мы направлялись домой; но, едва только голова процессии вступила на открытое пространство, перед городом, как был отдан приказ к немедленному и спешному возвращению. Как существа, тренировавшиеся много лет в такого рода маневрах, зеленые рассеялись, как туман, скользнув в просторные двери прилегающих строений. Меньше, чем в три минуты не осталось и следа от целого каравана повозок, мастодонтов и вооруженных всадников.

Сола и я вошли в строение, расположенное в самом начале города. Это было то самое здание, в котором произошла моя встреча с обезьянами, и я, желая узнать, что вызвало непонятное отступление, поднялся на верхний этаж и выглянул из окна на лежащие впереди долину и горы. Тут я увидел причину, вызвавшую их неожиданное отступление под прикрытие. Огромное парусное судно, длинное, низкое, выкрашенное в серый цвет, медленно летело через гребень ближайшей горы. Следуя за ним, шло второе, третье и затем еще одно, и так до тех пор, пока не показалось двадцать штук, которые летели низко над поверхностью, медленно и величественно направляясь к нам.

На каждом из них было странное знамя, перекинутое над палубой от носа до кормы, а на носу каждого судна был изображен необычный девиз, сверкающий в солнечных лучах он был ясно виден, хотя и находился довольно далеко от меня. Я мог различить фигуры, толпившиеся на верхней и средней палубах воздушного судна. Заметили они наше присутствие или просто смотрели на покинутый город, мирно проплывая, я не мог сказать, во всяком случае, их ожидала жестокая встреча, так как внезапно и без всякого предупреждения зеленые дали залп из окон строений.

Моментально сцена изменилась. Передовое судно метнулось в нашу сторону, поворачиваясь боком, и, наводя свои пушки, ответило на наш залп, в то же самое время, продвигаясь на небольшое расстояние параллельно нашему фронту, а затем повернуло обратно с очевидным намерением, описав большой круг, вновь очутиться на позиции против линии нашего огня. Остальные суда шли ему в кильватер, причем каждое из них выпустило залп, когда первое судно встало в позицию. Наш собственный огонь отнюдь не уменьшался, и я сомневаюсь в том, что хотя бы процентов 25 наших выстрелов не попали в цель. Мне никогда не доводилось видеть более смертоносной точности прицела, казалось, что взрыв каждого заряда заставлял падать одну из маленьких фигур на корабле, а знамена и палуба вспыхивали языками пламени, когда не знавшие промаха воины попадали в них.

Огонь с кораблей был почти безрезультатен, как я впоследствии узнал, благодаря внезапности нашего первого залпа, который застал команду кораблей совершенно врасплох и вследствие того, что аппараты для выверки прицела пушек не были защищены от устрашающей меткости наших воинов.

У каждого зеленого воина есть определенные цели, куда он должен направлять свои выстрелы. Например, лучшие стрелки, направляют свой огонь исключительно против аппаратов для выверки прицела тяжелых орудий нападающего флота; другие выполняют ту же задачу против меньших пушек; третьи – подстреливают канониров; следующие – офицеров. Наконец, определенное количество сосредотачивает свой огонь на штурвале и пропеллерах и против остальных членов команды на верхней части судна.

Через двадцать минут после первого выстрела большой флот, сильно подбитый, улетал в том же направлении, откуда появился. Некоторые из кораблей давали заметный крен, поредевшая команда едва-едва управляет ими. Их огонь совершенно прекратился и вся их энергия,

казалось, сосредоточилась на бегстве. Тогда наши воины ринулись на крышу строений, которые мы занимали, и проводили отступавшую армаду продолжительным и беспощадным ружейным огнем.

Как бы то ни было, кораблям, одному за другим удалось нырнуть за гребень выступавших перед нами гор. На виду осталось одно едва двигавшееся судно. Как раз оно приняло на себя первый удар и теперь, казалось, совершенно опустело, так как на его палубах не было видно ни одной движущейся фигуры. Медленно оно отклонилось от своего пути, описывая круг в обратную сторону по направлению к нам, двигаясь странным и вызывающим жалость образом. Мгновенно воины прекратили огонь, было вполне очевидно, что корабль совершенно беспомощен и лишен возможности причинить вред, так как не мог даже управлять своими движениями на пути к спасению.

Когда судно приблизилось к городу, воины устремились к равнине, чтобы встретить его. Оно было еще слишком высоко для того, чтобы взобраться на палубу. Со своей позиции у окна я мог наблюдать лежащие на палубе тела, хотя и не мог различить, к какому роду существ они принадлежат. На судне не было заметно никаких признаков жизни, в то время как оно медленно относилось легким ветерком в юго-западном направлении.

Оно летело над землей на высоте приблизительно 15 метров, сопровождаемое почти всеми воинами, за исключением одной сотни, которой было приказано вернуться на крыши для защиты от возможного возвращения флота или подкрепления. Вскоре стало очевидным, что корабль ударится о фасад здания приблизительно на километр южнее наших позиций, и несколько воинов помчались галопом вперед, сошли на землю и вошли в здание, к которому, кораблю суждено было пристать. Когда судно приблизилось к строению, как раз перед тем, как оно ударится, тарсианские воины прыгнули на палубу из окон и своими длинными копьями уменьшили силу столкновения, затем, в течение нескольких мгновений, они сбросили якорь, а стоявшие внизу, стащили большой корабль на почву.

После того как воины закрепили якорь, они толпой бросились на палубу и обыскали его от носа до кормы. Я видел, как они рассматривали мертвых матросов, очевидно, отыскивая в них признаки жизни. Затем внизу появилась группа воинов, тащившая за собой маленькую фигурку. Это существо было вдвое меньше ростом зеленых воинов, и со своего балкона я мог видеть, что оно ступало на двух ногах. Я предположил, что это образец какого-нибудь нового и странного, свойственного Таре уродства, которого я до сих пор еще не видел.

Они спустили своего пленника на землю и приступили к разграблению корабля. Эта операция потребовала несколько часов, в течение которых было использовано немалое число повозок, чтобы перевезти добычу, которая состояла из оружия, амуниции, шелков, мехов, драгоценностей. Некоторого количества съестных припасов, напитков, включая сюда множество кувшинов с водой, первой водой, которую я увидел на Таре.

После того как последняя часть добычи была увезена, воины прикрепили канаты к кораблю и протащили его на буксире в долину, на довольно большое расстояние в юго-западном направлении. Затем несколько из них взошли на борт и с большим рвением занялись, как мне показалось с моей отдаленной позиции, мародерством мертвых телах матросов и всякого рода кладовых, и хранилищ взрывчатых веществ на корабле.

Закончив эту операцию, они поспешно соскользнули по канатам на почву. Последний из воинов, который должен был покинуть судно, повернулся и бросил что-то на палубу. Затем он подождал мгновение, чтобы убедиться в правильности своего поступка. Когда в том месте поднялся бледный столб пламени, он перекинулся через борт и тотчас очутился на почве. Едва

он успел спуститься, как канаты сразу отделились от корабля и огромное военное судно, сделавшееся значительно легче после разгрома, величественно устремилось в воздух, тогда, как его палуба и верхняя часть являли собой сплошную стену огня.

Медленно оно направлялось к юго-востоку, поднимаясь все выше и выше, по мере того, как огонь пожирал его деревянные части и уменьшал тем самым вес. Поднявшись на крышу здания, я наблюдал за ним до тех пор, пока, в конце концов, оно не затерялось в туманной безбрежности мирового пространства. Зрелище вселяло ужас, наблюдая, как эта грандиозная качающаяся надгробная пирамида летит без руля и паруса по пустынным безднам тарианских небес, брошенная на произвол смерти и разрушения. Сильно угнетенный, я медленно спустился на улицу. Сцена, которой я был свидетелем, казалось, указывала на поражение и уничтожение близкого мне народа, скорее, чем на разгром зелеными воинами орды им же подобных, хоть и враждебных существ.

Я не мог осознать чудившуюся мне галлюцинацию, но не мог также освободиться от нее. Где-то в самых глубоких тайниках своей души я ощущал странную тоску по этим неведомым врагам, и во мне проснулась могучая надежда, что флот вернется и потребует от зеленых отчета, за то что они так беспощадно и безосновательно напали на него.

За мною по пятам шла – собака Вула, а когда я показался на улице, Сола кинулась ко мне, она давно искала меня.

Кавалькада возвратилась на площадь – путешествие домой было отложено из-за страха перед ответной атакой воздушного флота.

Лоркас Птомель был слишком хитрым старым воином, чтобы быть пойманным на открытой равнине с караваном из повозок и детей, мы остались в покинутом городе и опасность, казалось, исчезла.

Когда Сола и я вышли на площадь, перед моими глазами предстало зрелище, которое наполнило все мое существо волной смешанных чувств надежды, страха, восторга и уныния. И все же надо всем этим преобладало едва уловимое ощущение облегчения и радости, потому что, как раз в тот момент, как мы приблизились к толпе, мне удалось бросить взгляд на пленницу с военного корабля, которую несколько зеленых грубо тащили в ближайшее здание. Перед моими глазами была гибкая девичья фигурка, до мельчайших деталей подобная всем земным женщинам моей прошлой жизни. Она не видела меня, но как раз в тот момент, когда она исчезла через дверь строения, которое должно было стать ее тюрьмой, она повернулась, и ее глаза встретились с моими.

Ее лицо было овальной формы и необычайно прекрасно, каждая черта была выточена и поражала своей изысканностью; глаза огромные и блестящие, а голову, с которой сбегали волны черных, как смоль, волос, украшала странная, но красивая диадема. Ее кожа была оттенка красноватой меди, на фоне которой горячий румянец ее щек и рубин ее чудесно вырезанных губ выделялись с чарующей прелестью.

Она была также лишена одежды, как и сопровождающие ее зеленые тарсианки. За исключением украшений очень тонкой работы, она была совершенно обнажена, но никакие наряды не могли бы возвысить красоту совершенной и гармоничной фигуры. Когда ее взор остановился на мне, глаза широко открылись от удивления, и она подала легкий знак своей свободной рукой, знак, который, разумеется, я не понял. Только один миг мы смотрели друг на друга, а затем выражение надежды, радости, которое засияло на ее лице, когда она увидела меня, погасло, превратившись в выражение крайнего отвращения, смешанного с ненавистью и

презрением. Я догадался, что она взывала о помощи и покровительстве, и что мое несчастное невежество помешало мне ответить на ее призыв. Ее поволокли в глубину заброшенного здания, и она исчезла из виду.

<http://tl.rulate.ru/book/23550/487737>